

УДК: 141.81+316.7

DOI: 10.17223/1998863X/41/20

Б.А. Прокудин

«НЕГАТИВНАЯ» СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В РОМАНЕ А.И. ГЕРЦЕНА «КТО ВИНОВАТ?»

Интерпретируется социально-политическая линия романа А.И. Герцена «Кто виноват?» и связанная с ней тема «лишнего человека» с точки зрения авторского замысла. По мысли Герцена, виновным в том, что Бельтов (главный герой) оказался «лишним человеком», не способным приспособиться к условиям общественной среды, и его попытка проявить гражданскую активность обернулась крахом, является негативная социализация. Новизна этой интерпретации состоит в том, что во второй половине XIX в. и в советском литературоведении трактовка социально-политической линии романа сводилась, прежде всего, к социальному детерминизму. Большинство исследователей вслед за В.Г. Белинским первостепенным и определяющим в судьбе героя считали фактор «отсталости» российского общества.

Ключевые слова: А.И. Герцен, «Кто виноват?», негативная социализация, русский радикализм, политический роман.

Роман А.И. Герцена «Кто виноват?», появившийся сначала в журнале «Отечественные записки» (1845–1846), а потом напечатанный отдельным изданием (1847), произвел сильное впечатление на российскую публику, но в разные периоды своего бытования в литературной среде различные идеи романа оказывались востребованными читателями и имели влияние на общественную повестку. Журнальные критики и простые читатели на протяжении второй половины XIX в. искали ответ на вопрос, заявленный в назывании романа. И находили разные варианты, которые в большей степени соответствовали их времени, социальному статусу и общественным ожиданиям.

Первая часть романа «Кто виноват?» увидела свет в 1845–1846 гг. и сразу оказалась в центре внимания¹. Читатели первых семи глав быстро выделили «повесть» Герцена из всего появившегося тогда в русских журналах и много хвалили. В декабре 1845 г. Герцен признавался, что «не ожидал вовсе такого успеха» [3. Т. 22. С. 248]. «Я начинал тогда входить в моду после первой части „Кто виноват?“», – напишет он об этом времени в «Былом и думах» [4. Т. 8. С. 115]. Между тем Герцена нельзя было назвать автором-дебютантом. «Дилетантизм в науке», «Письма об изучении природы» были уже напечатаны и пользовались популярностью, однако роман «Кто виноват?» открыл читающей публике Герцена в новом статусе – как автора интеллектуальной прозы.

Именно такой вывод можно сделать, читая отзывы о романе 1845–1846 гг. Большинство критиков тогда реагировали не на проблематику романа, а на интеллектуализм автора. «Необыкновенный талант в совершенно новом роде», – писал о Герцене В.Г. Белинский в статье «Русская литература в 1845 году», опубликованной в «Отечественных записках» [5. Т. 9. С. 396].

¹ Наиболее широкая панорама отзывов о романе представлена в работах: [1. С. 42–52; 2. С. 3–15].

И продолжал: «Автор повести „Кто виноват?“ как-то чудно умел довести ум до поэзии» [5. Т. 9. С. 396]. В письме товарищу Т.Н. Грановский отмечал, что Герцен написал «повесть» «исполненную ума, живости и метких замечаний» [6. Т. 2. С. 422]. А критик В.Н. Майков назвал Герцена «первым современным беллетристом» [7. С. 197], по его мнению, сила романа «Кто виноват?» заключалась в том, что его автор занят «популяризацией идей, важных для общества» [8. С. 261]. Герцен, писал Майков, «несравненно более поражает умом, чем художественностью, так что на всю его художественную деятельность мы не можем смотреть иначе, как на средство выражения его идей в самой популярной форме, возводимой иногда наблюдательностью до художественности» [Там же. С. 249].

Публикация первой части романа не вызвала полемики в русских журналах. Все больше хвалили роман и восхищались остроумием автора. К социальной проблематике текста первым обратился Ф.В. Булгарин. В записке «Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие» он писал о романе Герцена следующее: «Тут изображен отставной русский генерал величайшим скотом, невеждою и развратником <...> Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сын лекаря, и прижитая дочь с крепостной девкой – образцы добродетели». И добавлял: «И чтоб дворянство, поставленное в тень, было мрачнее – в книге набросаны социальные идеи» [9. С. 495]. Л.В. Дубельт, управляющий Третьим отделением, адресат записки, признал «повесть» «предосудительною» (см.: [10. С. 503])¹.

Когда же к началу 1847 г. роман был опубликован полностью, стало понятно, что произведение Герцена относится к так называемой «натуральной школе» и содержит черты новой словесности и новой социальности². «Редко появляется произведение, – писал в одной из своих рецензий Н.А. Некрасов, – которое самым делом напомнило бы публике о существовании русской литературы, ее процветании, возмужалости и других похвальных качествах» [13. С. 128]. Но «критический реализм» Герцена теперь вызывал не только восторги. И.С. Аксаков в письме к родным (отцу и матери) от 11 февраля 1847 г. писал, что роман «Кто виноват?» – «произведение современное, 19-го века, болезням которого мы все более или менее сочувствуем», но смущало Аксакова «болезненное желание (Герцена. – Б.П.) всюду острить». «Так тяжело и тоскливо стало у меня на сердце, когда я прочел его», писал Аксаков [14. С. 353]. В марте 1847 г. в «Московском городском листке» № 51 была напечатана статья А.А. Григорьева «Обозрение журнальных явлений за январь и

¹ Надо сказать, что возмущение Булгарина и Дубельта «очернением» дворянства в романе Герцена было вполне закономерным. Есть точка зрения, что в романе «Кто виноват?» гораздо более жесткой критике, нежели в других произведениях 1840–1850-х гг., подвергается дворянство. Эту мысль высказывал Мартин Малиа, называвший Герцена «полудворянином» и объяснявший его беспощадность в описании представителей высшего сословия российского общества происхождением: «“Кто виноват?” – картина дворянского мира, увиденная с позиций полудворянства и, таким образом, осужденная очень строго. Как таковая она резко отличается от картины того же мира, изображенной примерно в то же время дворянскими писателями, такими как Сергей Аксаков, молодой Толстой или даже Тургенев и Гончаров. Когда этим писателям приходилось критиковать класс, из которого они происходили – а двое последних во многом были заняты именно этим, – они делали это скорее нежно и большей частью изнутри. Рудин, Кирсанов, Лаврецкий и даже главный символ всего того, что с дворянством было не в порядке, Обломов, несмотря на все их пороки, представлены достаточно сочувственно. Но землевладельцы Герцена, например, такие как отец Любы, Негров, изображены враждебно в тех случаях, когда они не представлены в виде чудовищ» [11. С. 372–373].

² Подробнее об идейном содержании произведений «натуральной школы» см.: [12. С. 241–306].

февраль 1847 г.», в которой он признавал «высокое философское значение романа Искандера», но в то же время социальную критику «форм и условий современного бытия» называл «субъективной», носящий на себе слишком явственные следы влияния «известного кружка» (см.: [15. С. 203–204]), что, с его точки зрения, сильно обесценивало роман, далекий в силу своей партийности от полноты охвата действительности. Еще жестче отреагировал на роман С.П. Шевырев в журнале «Москвитянин». Произведения искусства нельзя создавать «на основе ненависти», писал он. «Из ненависти не может выйти ничего изящного, ничего глубокомысленного» [16. С. 54]. Молодой критик М.Л. Михайлов в апреле 1847 г. писал в «Санкт-Петербургских ведомостях», что «беспредельное отрицание», явленное в романе Герцена, «навлекает на читателя глубокую и ничем не преодолимую грусть», что роману не хватает «синтеза», идеала, благодаря которому «мрак картины, изящной по художественной отделке, осветился бы светом абсолютной, вечной Истины» [17. С. 512].

Отзывы на «Кто виноват?» 1840-х гг., как правильно отмечает Г.Г. Елизаветина, и положительные и отрицательные – пока еще не раскладывали роман на отдельные вопросы, как это произойдет позже (см.: [1. С. 63]). Еще слишком важна была злободневность текста, его принадлежность к новой литературной школе. Отсутствие дистанции, сильные эмоции и поправка на цензуру мешали тогдашним критикам подробно разбираться с «социальными идеями» (Булгарин) «известного кружка» (Григорьев), высказанными Герценом в романе. А ведь эти «важные для общества идеи» (Майков) оказывали влияние на современников и способствовали формированию того, что мы можем назвать сегодня «общественной (а то и общественно-политической) повесткой».

Важно сказать, что наличие в том или ином художественном произведении социально-политических идей делает его бытование в читающей среде непредсказуемым. В связи с конкретными историческими событиями меняется не только читательское мнение, одни идеи (часто вопреки желанию автора) выходят на первый план, другие уходят в тень; но меняется еще и социальный состав его читателей. А ведь роман Герцена первоначально имел конкретного адресата, людей своего круга и образования, как бы сказали в советское время, «людей передовых убеждений 1840-х годов». Потом, в 1850–1860-е гг., круг читателей расширился, пополнился, например, разночинцами. Для тех и других роман «Что делать?» будет ценен разными идеями.

С долей условности можно сказать, что для первой «группы» важна будет социально-политическая линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека», с которым могли себя ассоциировать читатели круга Герцена. В письме к Огареву от 3 августа 1847 г. одной из целей своего романа Герцен определял необходимость воздействия на «способных» людей, находящихся в положении, близком к положению Бельтова. Среди таких людей он называл товарищей А.А. Тучкова, Н.И. Сазонова (см.: [18. Т. 23. С. 34–35]). Таким образом, для 1840-х гг. вопрос, заявленный в заглавии романа, будет звучать так: кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни?

Сюжет социально-политической линии романа такой: главный герой, Владимир Бельтов, лениво путешествует по Европе в целях «окончания обра-

зования» и в одной швейцарской деревне у него случается озарение. На дороге, недалеко от Женевы, во время прогулки он видит группу крестьян, которые проходят мимо, что-то оживленно обсуждая. Бельтов прислушивается и понимает, что они идут на выборы, голосовать. То есть участвовать в управлении своей жизнью. Он заворожен картиной. Эти крестьяне представляются ему народными трибунами, римскими героями гражданственности. Он вспоминает проповеди своего женева-воспитателя, который говорил, что любой благородный человек должен быть гражданином, познать радость политического активизма... и судьба Бельтова круто поворачивается. Он решает вернуться в Россию и баллотироваться на выборах в дворянское собрание, чтобы приносить пользу людям.

Он приезжает в свой уездный город NN, но ведет себя странно: «с дамами разговаривает как с разумными существами», в карты не играет, «визитов не делает», суетится. Все ему улыбаются, но на выборах единогласно голосуют против! Бельтов поражен. Город NN он покидает «как пожарище», не оборачиваясь. От русской политики он бежит в панике. Обратно в Париж. Доживать свой длинный век в праздности и тратить мамины деньги.

Почему он, казалось бы, человек образованный, искренне желающий приносить пользу, оказался несовместим с городом NN? Почему он не пригоден ни к какому делу? Может, «крепостнические порядки» виноваты? Или «никolaевская Россия», как писали в советское время? Нет. Точнее, не только. Социальный контекст, вопрос взаимоотношений личности и общества, даже – «несправедливого рока» общественных установлений, который губит многие русские таланты в зародыше, был важным для размышлений Герцена. Но в момент написания романа ему казалось, что в несовместимости Бельтова и мира города NN гораздо в большей степени виновато воспитание героя и то, что мы сегодня называем негативной социализацией.

Мы узнаем, что у маленького Бельтова был воспитатель Жозеф, женевец. Когда мать нанимала гувернера сыну, она готова была платить ему жалования четыре тысячи рублей в год. Женевец сказал, что будет работать за тысячу двести, потому что именно столько ему нужно для жизни, а копить он считает «делом бесчестным». Уже здесь мать должна была почувствовать что-то неладное, но она не почувствовала и приняла «месье» на работу. Жозеф подошел к новому делу ответственно: он изучил все прогрессивные на тот момент педагогические труды «от „Эмиля“ Руссо до Песталоцци». Только одного не вычитал Жозеф из этих книг, пишет Герцен, что «важнейшее дело воспитания состоит в приспособлении молодого ума к окружающему, что воспитание должно быть климатологическое, что для каждой эпохи, так как для каждой страны, еще более для каждого сословия, а может быть, и для каждой семьи, должно быть свое воспитание» [19. Т. 4. С. 90].

Жозеф же воспитывал мальчика по биографиям великих людей и полумифических героев. И Бельтов оказался социализирован вне конкретного общества. Его пеструю систему ценностей составили идеалы эпохи Просвещения, Французской революции, античной героики и литературы сентиментализма.

От рационализма Просвещения в этом идейном бульоне был концепт человека, лишённого национальной, сословной и любой другой обусловленно-

сти. Разумный человек, который стоит выше старых социальных условностей и предрассудков.

Век Просвещения отбросил христианский идеал человека-аскета, высмеял представление о жертве как основе морали. Однако эпоха Французской революции вновь потребовала аскезы и героизма, образец которого был найден в римском стоицизме¹. Это был второй элемент. Слабость унижает «римлянина» и должна быть ему чужда. Стремиться к роскоши и богатству – недостойно и пошло. Человек должен себя преодолеть. Этому учили стоики и Жозеф. Но кроме рационализма и героизма, в его педагогическом наборе были еще ценности сентиментализма, которым учили Руссо и Гете (как автор романа «Страдания юного Вертера»), поэтизируя чувствительность и преувеличенную эмоциональность. Человек должен быть мечтательным, слезливым и экзальтированным, иначе – у него холодное сердце. И хоть сентименталистский человек чувствительный конфликтовал с просвещенческим человеком разумным, а вместе они не имели ничего общего с героем-стоиком, это никого не смущало.

Когда же, выйдя в люди, разумно-мечтательный-герой Бельтов столкнулся с российской действительностью, она ему не понравилась. «Бельтов <...> очутился в стране, совершенно ему неизвестной, до того чуждой, что он не мог приладиться ни к чему, – пишет Герцен, – он не сочувствовал ни с одной действительной стороной около него кипевшей жизни; он не имел способности быть хорошим помещиком, отличным офицером, усердным чиновником» [19. Т. 4. С. 120–121]. Неизвестная дотоле Россия не вызвала у него никакого сочувствия. Для человека, социализированного в Древнем Риме или революционной Франции, воспитанного в изолированном пространстве абстрактных идеалов, русское самодержавие казалось самой грубой деспотией, а крепостное право – унижительным рабством. И любое сотрудничество со «старым режимом» было невозможно. И если кто-то по-настоящему и виноват в романе Герцена, то это – педагогическая система XVIII в. И конечно, российская действительность, несовместимая с высокими идеалами.

Такая трактовка социально-политической линии романа кажется наиболее адекватной авторской задумке потому, что Герцен в момент написания романа чувствовал, что подобная образовательная система представляет собой конвейер по производству «лишних людей», конвейер, с которого сошел не только он сам, но и многие его друзья, целое поколение талантливых русских людей, воспитанных условным Жозефом, уверенных, что сотрудничество с властью исключено по этическим соображениям².

Роман «Кто виноват?» помогает понять, почему «что-то в организме» Герцена не давало ему возможности существовать в атмосфере николаевской России, «чиновничьего подбострастия и барской тирании». Почему он и эмигрировал.

Забавный парадокс: благодаря воспитанию Бельтов приобрел навыки гражданственности, но благодаря ему же – потерял возможность реальной гражданской деятельности. И не только потому, что он хотел оставаться вер-

¹ Подробнее об идеях нестоицизма и культе античных добродетелей в конце XVIII в. см.: [20. С. 242–243].

² В дальнейшем такая установка обусловила специфическое «срединное» положение русской интеллигенции между властью и народом. См.: [21. С. 4–5].

ным своим принципам, а ему сказали, что все серьезные вопросы решаются связями и взятками. Но и потому, что, штудировав Плутарха и Руссо, он не приобрел практических навыков. Бельтов не умеет грамотно составить ни одной бумаги, однако его речи всегда наполнены гражданским пафосом.

Надо сказать, что Герцену не нравилась эта черта представителей своего поколения. Собственная черта. Герцен чувствовал себя настолько близким Бельтову, что жил в страхе повторить судьбу своего героя и остаться «умной ненужностью» [11. С. 373–375]. В ссылке он писал, что «лишние» люди его поколения своим возвышенным эскапизмом только «разбазаривают» интеллектуальные силы родины. И если Бог «наделил тебя умом» и талантами, лучше потратить их, создавая новую, «молодую Россию», а не бежать при виде первого чиновника (см.: [22. С. 219–223]).

Образ Бельтова, человека с «болезненной потребностью дела» и вместе с тем с «отсутствием всякого практического смысла» должен был, по мысли Герцена, явиться отрицательным примером. И здесь можно согласиться с Я.Е. Эльсбергом: «Роман Герцена, как и его философские работы, как и критические статьи Белинского, звал к деятельности, основанной на верном понимании действительности. По убеждению Герцена, путь к „практической деятельности“ могла открыть передовому человеку только глубокая, напряженная и независимая работа мысли» [23. С. 160]. В конце романа учитель Бельтова Жозеф, встретившийся с ним после долгой разлуки, говорит ему, что «достоинство жизни человеческой в борьбе» [19. Т. 4. С. 166]. Бельтов этим достоинством не обладал. А Герцен очень хотел обладать.

Одним словом, верность идеалам, трезвое понимание действительности и установка на борьбу с ее пороками ради новой России – вот ответ Герцена на меланхолию, пассивность и курс на внутреннюю эмиграцию «лишних людей» своего времени.

Нужно сказать, что Герцен «попал» в своего читателя. В письме от 8–9 июля 1847 г. Огарев писал ему в Париж: «Перечитал я вчера „Кто виноват?“. Эта повесть на меня всегда производит сильное впечатление, она слишком близка. А знаешь ли что, Герцен? Ведь метил ты Бельтова поставить очень высоко. А между тем Бельтов – durch und durch¹ ложное лицо. Бельтов – романтик и pseudo-сильный человек, хотя все-таки высокий человек. Бельтов – больной человек. Иначе он бы рассчитывал свою силу и объект деятельности и нашел бы среду, где бы мог развернуть ее. Хватание за разные предметы без порядка – признак романтического брожения. Я думаю, неумение отыскать самого себя в мире при огромном чувстве самобытности составляет последний фазис нашего романтизма. Неужели мы не перейдем этот рубеж! Досадно будет. Мне ни умирать, ни замирать ни в каком отношении не хочется». «Впрочем, это осевшее чувство скорби может быть очищено деятельностью. Деятельность стирает с нее остатки романтической пыли» [24. Т. 2. С. 412–413]².

¹ Насквозь (нем.).

² Нужно сказать, что 1847–1848 гг. в жизни Огарева связаны с попыткой реализовать грандиозные хозяйственные проекты в своем имении, перевести крестьян на фермерское хозяйство, организовать фабрики. Возможно, столь категорично он смотрел на Бельтова под воздействием тогдашней активной жизненной позиции.

Герцен отвечал Огареву 3 августа 1847 г.: «Быть современным, уместным, взять именно ту сторону среды, в которой возможен труд, и сделать этот труд существенным – в этом весь характер практического человека. И с этой стороны ты совершенно прав, нападая на Бельтова; ошибка в том, что цель не Бельтов, а необходимость подобного воздействия не на из рук вон сильного человека – но на прекрасного и способного человека. Для того чтоб убедиться в этом, достаточно вспомнить биографии всех знакомых, да и наши несколько. При начальных шагах жизни что представлялось на выбор? Доктринерство, всяческий романтизм, я сделался отчасти доктринером и, может, был бы *sehr ausgezeichnet in meinem Fache*¹, если б не необходимость уехать в провинцию. Там я сделался романтиком. В действительную жизнь, в действительное спасение вышел я женитьбой, – да ведь и ты женился, однако для тебя это имело совсем иную воспитательную силу [18. Т. 23. С. 34].

Этот обмен мнениями о Бельтове, который произошел спустя лишь год после публикации романа, свидетельствует, что вопрос о деятельности был наиболее острым вопросом кружка Герцена того периода, и «романтизм», приобретенный «при начальных шагах жизни», в процессе воспитания, представляется и Герцену и Огареву едва ли не главной опасностью для практической, полезной, созидательной деятельности. «Романтик» для них – это человек слабый, увлекающийся, не умеющий найти дела в жизни, хватающийся без цели за разные предметы. «Романтизм» для Герцена того периода – в философском смысле слова – это «нежелание принять истину такой, какой она является нашему разуму». В статье «Новые вариации на старые темы» 1846 г. Герцен последовательно нападает на старые идеалы «романтиков» и «моралистов», на их абстрактную идею долга, которая заставляет человека «добровольно жертвовать собой», на высокие идеи, перед которыми люди «совершенно стираются» [25. Т. 2. С. 95, 93], одним словом, выступает от имени разума против романтических предрассудков, принимаемых за долг, против идейных последствий воспитания коллективного Жозефа.

Здесь нужно сделать небольшое отступление. 1846 г. – это период «теоретического разрыва» в кружке Герцена, философских споров между «идеалистами» и «реалистами». В ходе этой полемики Герцен называл романтиком своего оппонента Т.Н. Грановского, который предпочел остаться идеалистом (подробнее см.: [26. С. 42–45]). В этом контексте, чтобы не запутаться в терминах, уместно говорить о двух типах романтиков в понимании Герцена: «романтиков по воспитанию» (романтиков юности) и «романтиков по мировоззрению» (романтиков зрелости). Следуя логике этого разделения, можно предположить, что Герцену в 1846–1847 гг. не такими уж опасными казались романтическое воспитание и «негативная социализация», если в зрелости «романтик юности» станет реалистом. Но если и в зрелости человек остается романтиком, – это проблема, ничего путного из него не получится. Такие «нравственно слабые люди» обязательно, по мысли Герцена, отдадутся «во власть лени», их любовь к свободе, скорее всего, окажется «чисто платонической, идеальной»: «...по ней вздыхают, о ней говорят в ученых предисловиях и в академических речах, ей поклоняются пламенные души, но на благород-

¹ Весьма выдающимся человеком в своей области (нем.).

ной дистанции» [25. Т. 2. С. 90]. «Деятелем», пользуясь терминологией Герцена, «романтик по мировоззрению» не станет.

Учитывая все сказанное, можно понять, почему Герцен и Огарев в письмах 1847 г. в такой резкой форме отмежевывались от любого проявления романтизма: и в быту и в сознании. Романтическая, по их определению, неумелость и ненужность Бельтова не могла больше вызывать никакого сочувствия.

Интересно, что в наиболее «свежей» западной монографии, посвященной Герцену, «Об открытии возможности. Жизнь и мысль Александра Герцена», написанной ученицей Исайи Берлина – Айлин Келли в 2016 г., борьба с романтизмом также называется основной темой романа. В разделе о «лишнем человеке» Келли пишет: «Герцен определяет основную болезнь века как разрыв между теорией и жизнью, но отвергает мнение романтиков, что их отчуждение является признаком принадлежности к духовной элите. До определенной степени в своих затруднениях виноваты сами романтики. Это доминирующая тема романа „Кто виноват?“» [27. Р. 167–168].

Но в конце 1840-х гг. был и другой взгляд на Бельтова, более отстраненный. Его высказывали люди, не чувствовавшие близости к герою романа, ни биографической, ни сословной, люди, которые не боялись повторить судьбу «лишнего человека». К примеру, В.Г. Белинский. В 1847 г. Он вновь написал о романе «Кто виноват?». Готовя первую статью, в 1845 г., критик имел возможность ознакомиться только с первой частью «повести» и написал о ней хвалебный, почти восторженный, отзыв. Теперь Белинский прочитал роман целиком, и полная версия понравилась ему куда меньше. В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» он писал, что хотя в романе «бездна лиц, большею частию мастерски очерченных, но нет героя, нет героини», а Бельтов теперь казался ему «самым неудачным лицом во всем романе» [28. Т. 10. С. 320]. Как и Огарев, Белинский считал, что Бельтов «поставлен» в романе незаслуженно высоко. Но если Огарев видел «ложность» Бельтова в «романтизме», то Белинскому просто не нравилась нелогичность построения персонажа, немотивированность его «гениальности». Но это не самое главное и может увести нас от сути. Важно, что Белинскому, разночинцу по происхождению, приветствовавшему социальную критику, больше нравилась первая часть романа, в которой, живописуя биографии героев, Герцен фиксировал грубость нравов и жестокость помещного дворянства, косность и формализм петербургского и провинциального чиновничества, недалекость провинциальной интеллигенции и т.д. Вторая же часть романа, содержащая историю скитаний «лишнего человека» и «трагическую любовь» неприкаянного барина, казалась Белинскому менее интересной и убедительной.

Оценивая проблематику романа под углом социальной критики, Белинский пришел к необычному выводу, он нашел «задушевную мысль Искандера», некую главную тему творчества: «...мысль о достоинстве человеческом, которое унижается предрассудками, невежеством и унижается то несправедливостью человека к своему ближнему, то собственным добровольным искажением самого себя» [28. Т. 10. С. 319–320]. Белинскому казалось, что в социальном фиаско Бельтова в большей степени виноваты не его воспитание, или идейный романтизм, а дурно устроенное общество и его собственная леность и праздность. Фактор «отсталости» российского общества, таким образом, Белинский считал первостепенным и определяющим в судьбе героя.

Похожим образом «Кто виноват?» интерпретировал в 1847 г. А.А. Григорьев. Как и Белинский, он написал вторую статью о романе. В № 68 «Московского городского листка» общий пессимизм герценовского повествования он объяснял типичным для материалистического сознания представлением о социальной природе зла. По мнению Григорьева, «основная мысль» романа состоит в том, «что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства. Сколько ума, – продолжает Григорьев, – растрчено на отрицание высшего двигателя человеческой деятельности – свободы и сопряженной с ней ответственности» [29].

Кажется, что общая трактовка постановки Герценом вопроса о личности и обществе в словах Белинского и Григорьева – близка. Только Белинскому картина придавленности героев «средой», действительностью, «всем строем» русской жизни (бытом, нравами) кажется трагичной, и максимально критическое изображение этой картины в литературе представляется полезным в деле эмансипации личности. А Григорьеву излишний пессимизм и «чернуха», как бы мы сказали сейчас, кажутся безответственным проецированием личных проблем на общество. Друзья и оппоненты, как видно, трактовали роман в одних и тех же категориях, но с противоположным знаком и различными выводами в отношении полезности подобного текста для публики¹.

Таким образом, социально-политическая линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека», задуманная Герценом, прежде всего, как послание, как предостережение для «прекрасных и способных людей» близкого круга, критиками, не принадлежавшими к числу этих людей, была прочтена как текст, проникнутый пафосом социального детерминизма.

Наступившая после 1848 г. реакция прекратила журнальную дискуссию, посвященную роману «Кто виноват?», но не уменьшила его влияния. Однако со временем изменился социальный состав его читателей, и новым читателям романа в 1850–1860-х гг. основными и наиболее актуальными будут казаться совсем другие темы. Теперь смысл романа будет сводиться не к социальному детерминизму, а, чаще, к вопросу женского равноправия, защитники и оппоненты согласятся, что «главной темой романа» является эмансипация, но разойдутся в оценках этого явления (см.: [31. С. 49]).

В завершение нужно сказать о том, как новой генерацией критиков воспринимались Бельтов и социально-политическая проблематика текста, связанная с ним. Упомянутый в двух известных статьях Н.Г. Чернышевского, «Стихотворения Н. Огарева» (1856) и «Русский человек на *rendez-vois*» (1858), Бельтов предстает сначала благородным представителем людей, которые «становятся во главе исторического движения»: «Онегин сменился Печориным, Печорин – Бельтовым и Рудиным» [32. Т. 3. С. 567]. Но в следую-

¹ В этом отношении важно упомянуть о письме А.А. Григорьева Н.В. Гоголю от 17 ноября 1848 г., где он противопоставлял «Кто виноват?» и «Выбранные места из переписки с друзьями». Оба произведения вышли в один год, и для более консервативного Григорьева главным различием этих произведений являлось решение вопроса человеческой ответственности. «Романист высказывает в образах <...> ту основную мысль, что виноваты не мы, а та ложь, сетями которой опутаны мы с самого детства», – повторяет Григорьев слова своей статьи. Из книги Герцена, по мысли критика, следует, «что никто ни в чем не виноват, что все условленно предшествующими данными и что эти данные опутывают человека, так что ему нет из них выхода, ибо „привычка есть цепь на человеческих ногах“. Одним словом, человек – раб и из рабства ему исхода нет. Это стремится доказывать вся современная литература, – это явно и ясно высказано в „Кто виноват?“» [30. С. 31–32].

щей статье Чернышевский будто поправляет себя, говоря, что человек типа Бельтова «обманул нас». Он, скорее, мог стать во главе «исторического движения», но этого не сделал, так как «предпочитает всякому решительному шагу отступление» [33. Т. 5. С. 160]. Так или иначе, Бельтов представлен в текстах Чернышевского «героем», время которого давно прошло.

Развивая мысль Чернышевского, Н.А. Добролюбов в статье «Что такое обломовщина» (1859) также «вписывал» Бельтова в сонм русских литературных «лишних людей», над которыми «тяготеет одна и та же обломовщина», считая, однако, его «гуманнейшим между ними» [34. С. Т. 4. 324]. Но как и Онегин, и Печорин, и Рудин, Бельтов остается персонажем навсегда ушедшего прошлого.

«Время Бельтовых, Чацких и Рудиных прошло навсегда», – напишет в 1865 г. Д.И. Писарев в статье «Пушкин и Белинский» [35. Т. 3. С. 337]. Мысль, смягченная у Чернышевского и Добролюбова уважением «к давно минувшему», была сформулирована Писаревым с предельной четкостью. Можно сказать, что Писарев подвел итог: радикальная интеллигенция в середине 60-х гг. считала исчерпанной проблематику романа, связанную с «лишним человеком».

Только в начале XX в., когда началось академическое изучение трудов Герцена и появилась возможность ретроспективного взгляда на его художественное наследие, к социально-политической линии романа обратился Д.Н. Овсянико-Куликовский в знаменитой работе «История русской интеллигенции» (1906–1911). В главе, посвященной Бельтову, он вновь задается вопросом: «Кто виноват, что Бельтов оказался лишним человеком, праздным туристом, не способным найти себе подходящего места в жизни?» [36. С. 122].

Овсянико-Куликовский дает несколько ответов. Первый: Бельтов виноват сам. Он «обречен на праздность», потому что сам – «барин, баловень, белоручка». Овсянико-Куликовский таким образом объясняет провал Бельтова, ссылаясь на революционных демократов 1860-х гг., Чернышевского, Добролюбова, которые, по его мнению, питали «органическое отвращение к типу „людей 40-х годов“» [36. С. 122], упрекая их в лености и неспособности к труду. Нужно сказать, что для обоснования такого взгляда в романе найдется немало материала. Вялость и непрактичность своего героя Герцен показывает с какой-то беспощадностью: «Побился он с медициной да с живописью, покутил, поиграл да и уехал в чужие края. Дела, само собою разумеется, и там ему не нашлось; он занимался бессистемно, занимался всем на свете, удивлял немецких специалистов многосторонностью русского ума; удивлял французов глубокомыслием, и в то время, как немцы и французы делали много, – он ничего, он тратил свое время, стреляя из пистолета в тире, просиживая до поздней ночи у ресторанов и отдаваясь телом, душою и кошельком какой-нибудь лоретке» [19. Т. 4. С. 121].

Однако критикуя характер Бельтова, пытаясь понять, почему же, загораясь каким-то делом, вкладывая много усилий в новое предприятие, Бельтов неизменно через несколько месяцев к нему охладевал, бросал и брался за новое, чтобы вскоре бросить и его, Герцен переходит к более общим рассуждениям: «Счастлив тот человек, – пишет он, – который продолжает начатое, которому преемственно передано дело: он рано приучается к нему, он не тра-

тит полжизни на выбор, он сосредоточивается, ограничивается для того, чтоб не расплыться, – и производит. Мы чаще всего начинаем вновь, мы от отцов своих наследуем только движимое и недвижимое имение, да и то плохо храним; оттого по большей части мы ничего не хотим делать, а если хотим, то выходим на необозримую степь – иди, куда хочешь, во все стороны – воля вольная, только никуда не дойдешь: это наше многостороннее бездействие, наша деятельная лень. Бельтов совершенно принадлежал к подобным людям; он был лишен совершеннолетия – несмотря на возмужалость своей мысли; словом, теперь, за тридцать лет отроду, он, как шестнадцатилетний мальчик, готовился начать свою жизнь...» [19. Т. 4. С. 121–122].

Это рассуждение заставляет нас невольно вспомнить строки из «Философического письма» П.Я. Чаадаева, обращенные к России в целом: «У нас совсем нет внутреннего развития, – писал он, – естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. <...> Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели» [37. С. 490]. «Несовершеннолетие» России Чаадаев объяснял историческими причинами. По его мнению, татаро-монгольское иго, «иноземное владычество, жестокое и унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала», сковав силы народа, лишило Россию «юности», необходимого для будущего развития исторического этапа, который прошли все другие европейские народы. В этот период «великих свершений, сильных страстей» у народов вырабатываются свои «плодотворные идеи» и «общественные устои», которые потом, со временем, органически трансформируются в эффективные социальные, правовые и политические институты. Так как Россия, по мнению Чаадаева, была лишена «юности», в нашей стране не возникло предпосылок для эффективно работающих институтов. Да что там институтов, нет даже «мыслей о долге, справедливости, праве и порядке», потому что они также формируются на этапе «народной юности». Именно поэтому Россия не может сформулировать собственных идей, а чужие – на русской почве не приживаются.

Таким образом, «несовершеннолетие», инфантильность Бельтова можно объяснить в логике мысли Чаадаева – «несовершеннолетием» российского общества в целом. Это второй ответ Овсяннико-Куликовского на вопрос: кто виноват, что Бельтов не нашел себе «места в жизни». «Виновато» все наше историческое прошлое.

Эти два ответа, по сути, в несколько упрощенной форме были потом взяты на вооружение советскими исследователями, трактовавшими барскую праздность как последствие «крепостничества», а историческое прошлое России – как причину «никалаевских порядков». Нужно сказать, что вплоть до 60-х гг. XX в. в советском литературоведении было принято считать, что Герцен в романе «Кто виноват?» хотел показать, как происходит «искажение достоинства человека, калечение его жизни и судьбы» «под гнетом самодержавия и крепостничества» [23. С. 156]. Что «основным» содержанием романа является «пафос борьбы с крепостным правом как основным социальным злом русской действительности» [38. С. 322]. Вполне возможно, что в первой половине XX в. этот роман и воспринимался именно так, как «суровый обвинительный приговор всей системе самодержавно-крепостнических порядков»

[38. С. 323]¹, поводы к подобной трактовке Герцен, разумеется, давал. Да и сейчас Айлин Келли вполне в духе советских литературоведов пишет, что «несмотря на сокращения, это была самая откровенная критика крепостного права в печати 1840-х годов» [27. Р. 169]. С этим трудно спорить, однако тема крепостничества для общественной дискуссии середины XIX в. по поводу романа Герцена отнюдь не была основной.

Подводя итоги, надо сказать, что социально-политическая линия романа и связанная с ней тема «лишнего человека», задуманная Герценом, прежде всего, как послание, как предостережение для людей близкого круга, критиками второй половины XIX–XX в. интерпретировалась в основном в духе социального детерминизма. И «негативная социализация», которая казалась Герцену одной из главных политических проблем своего времени, уже следующему поколению читателей представлялась несущественной в сравнении с «отсталостью» российского общества или крепостным правом.

Литература

1. *Елизаветина Г.Г.* «Кто виноват?» Герцена в восприятии русских читателей и критики XIX в. // Литературные произведения в движении эпох. М.: Наука, 1979. С. 41–74.
2. *Антонова Г.Н.* Герцен и русская критика 50–60-х годов XIX века: Проблемы художественно-философской прозы. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. 198 с.
3. *Герцен А.И.* Письмо А.А. Краевскому, 23 декабря 1845 г. Москва // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 22. С. 248–249.
4. *Герцен А.И.* Былое и думы. 1852–1868 // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 8. С. 7–397.
5. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 году // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 9. С. 378–406.
6. *Грановский Т.Н.* Письмо Н.Г. Фролову, Москва, февраль 1846 года // Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1897. С. 421–422.
7. *Майков В.Н.* Нечто о русской литературе в 1846 году // Майков В.Н. Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1985. С. 177–200.
8. *Майков В.Н.* Петербургские вершины, описанные Я. Бутаковым. Книга вторая. Санкт-Петербург. 1846. В типографии Н. Греча. В 8-ю д. л. 189 стр. // Майков В.Н. Литературная критика. Л.: Худож. лит., 1985. С. 247–263.
9. *Булгарин Ф.В.* Социализм, коммунизм и пантеизм в России, в последнее 25-летие // Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое лит. обозрение, 1998. С. 490–499.
10. *Видок Фиглярин:* Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. М.: Новое лит. обозрение, 1998. 704 с.
11. *Малин М.* Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. 568 с.
12. *Мани Ю.В.* Философия и поэтика «Натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М.: Наука, 1969. С. 241–306.
13. <*Некрасов Н.А.*> Музей современной иностранной литературы. Вып. 1, 2. СПб., 1847 // Современник. 1847. № 4. Апрель. С. 127–128.
14. *Аксаков И.С.* 1847 г<од>. Февраля 11-го. Вторник. Калуга // Аксаков И.С. Письма к родным 1844–1849. М.: Наука, 1988. (Литературные памятники).
15. <*Григорьев А.А.*> Обзорение журнальных явлений за январь и февраль 1847 г. // Московский городской листок. 1847. № 51 от 4 марта 1847 г. С. 203–204.

¹ Похожую трактовку «основного содержания романа» мы можем найти в книге Г.Н. Гая «Роман и повесть А.И. Герцена 30–40-х годов» (Киев, 1959) и др. Однако были и исключения, в статье «Проблема “русского деятеля” в творчестве Герцена 40-х годов» Е.Н. Дрыжакова пишет, что «конкретными социальными условиями нельзя объяснять личные катастрофы (героев)», и видит их причины в «романтизме», т.е. в ошибочности личных установок персонажей романа (см.: [26. С. 40]). Отметим попутно интересный анализ изменения взглядов на творчество Герцена исследователей советского время, представленный А.А. Теслей. См.: [39. С. 142–150].

16. *Шевырев С.П.* Очерки современной русской словесности // Москвитянин. 1848. Ч. 1, № 1. Критика. С. 30–54.
17. <Михайлов Л.М.> Литературное известие // Санкт-Петербургские ведомости. 1847. 29 марта. № 68. С. 512.
18. *Герцен А.И.* Письмо Н.П. Огареву, 3 августа (22 июля) 1847 г. Париж // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. Т. 23. С. 34–35.
19. *Герцен А.И.* Кто виноват? // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 4. С. 5–211.
20. *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М.: Молодая гвардия, 1998. 382 с. (Жизнь замечательных людей).
21. *Ширинянец А.А.* Вне власти и народа: Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М.: РОССПЭН, 2002. 360 с.
22. *Ширинянец А.А.* Герцен в контексте российского революционизма // Александр Герцен и исторические судьбы России: материалы науч. конф. к 200-летию А.И. Герцена, Институт философии РАН, 20–21 июня 2012 г. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2013. С. 219–223.
23. *Эльсберг Я.Е.* Герцен: Жизнь и творчество. М.: Изд-во худож. лит., 1963. 732 с.
24. *Огарев Н.П.* Письмо А.И. Герцену, 8–9 июля 1847 г. // Огарев Н.П. Избранные социально-политические и философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. С. 412–413.
25. *Герцен А.И.* Новые вариации на старые темы // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 8–103.
26. *Дрыжакова Е.Н.* Проблема «русского деятеля» в творчестве Герцена 40-х годов // Русская литература. 1962. № 4. С. 39–51.
27. *Kelly A.M.* The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2016. 608 p.
28. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1956. Т. 10. С. 279–359.
29. <Григорьев А.А.> Обзорение журналов за март 1847 г. // Московский городской листок. 1847. 31 марта. № 68.
30. *Григорьев А.А.* Письмо Н.В. Гоголю, 17 ноября 1848 г. Москва // Григорьев А.А. Письма. М.: Наука, 1999. С. 31–33. (Литературные памятники).
31. *Гурвич-Лицинер С.Д.* Творчество Герцена в развитии русского реализма середины XIX века. М.: Наследие, 1993. 175 с.
32. *Чернышевский Н.Г.* Стихотворения Н. Огарева // Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1947. Т. 3. С. 561–568.
33. *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous // Полн. собр. соч.: в 15 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1950. Т. 5. С. 156–174.
34. *Добролюбов Н.А.* Что такое обломовщина? // Собр. соч.: в 9 т. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1962. Т. 4. С. 307–343.
35. *Писарев Д.И.* Пушкин и Белинский // Соч.: в 4 т. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1956. Т. 3. С. 336–417.
36. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Из «Истории русской интеллигенции» // Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 4–306.
37. *Чаадаев П.Я.* Философические письма. Письмо первое // Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 485–501.
38. *Путинцев В.А.* Комментарии к роману «Кто виноват?» // Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. Т. 4. С. 320–328.
39. *Тесля А.А.* Советский Герцен // Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М.: Европа, 2014. С. 142–150.

Prokudin Boris A. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

E-mail: probor@bk.ru

DOI: 10.17223/1998863X/41/20

“NEGATIVE” SOCIALIZATION AS A POLITICAL PROBLEM IN THE NOVEL A. HERZEN “WHO IS TO BLAME?”

Key words: A. Herzen, “Who is to blame?”, Negative socialization, Russian radicalism, political novel.

The novel of A.I. Herzen "Who is to blame?", which first appeared in the journal *Otechestvennye Zapiski* (1843–1846), and then printed in a separate edition (1847), made a strong impression on the Russian public. But in different periods of his existence in the literary environment, various ideas of the novel turned out to be demanded by readers and had an impact on the public agenda. Journalists and ordinary readers throughout the second half of the XIX century were looking for an answer to the question stated in the naming of the novel. And they found different options that more closely corresponded to their time, social status and social expectations. The purpose of this article is to interpret the socio-political lines of the novel and, related to it, the topic of "superfluous man" from the point of view of the author's intention. After all, Herzen's novel originally had a specific addressee, people of his own circle and education, "people of advanced convictions of the 40s." According to Herzen, guilty of the fact that Beltov (the main character) turned out to be an "extra person", unable to adapt to the conditions of the social environment, and his attempt to show civic activity turned into a failure, is a negative socialization. However, already in the late 1840's in Russian criticism, another view of Beltov, more detached, began to dominate. It was expressed by people who did not feel closeness to the hero of the novel, neither biographical nor class, people who were not afraid to repeat the fate of the "superfluous person". For example, V.G. Belinsky thought that the social fiasco of Beltov was not because his upbringing or ideological "romanticism", but because the society was not well organized, and because of his own laziness and idleness. Belinsky considered that the factor of "backwardness" of the Russian society was the paramount and determining in the fate of the hero. Thus, the socio-political line of the novel and the theme of the "superfluous man" was conceived by Herzen as a message, as a warning for "wonderful and capable people" of a close circle. But by the critics, who didn't belong to this circle, it was read as a text full of pathos of social determinism.

References

1. Elizavetina, G.G. (1979) "Kto vinovat?" Gertsena v vospriyatii russkikh chitateley i kritiki XIX v. ["Who is to blame?" Herzen in the perception of Russian readers and critics of the 19th century]. In: Osmakov, N. (ed.). *Literaturnye proizvedeniya v dvizhenii epoch* [Literary works in the movement of the epochs]. Moscow: Nauka. pp. 41–74.
2. Antonova, G.N. (1989) *Gertsen i russkaya kritika 50–60-kh godov XIX veka: Problemy khudozhestvenno-filosofskoy prozy* [Herzen and Russian criticism of the 1850–60s: Problems of artistic and philosophical prose]. Saratov: Saratov State University.
3. Herzen, A.I. (1961) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 22. Moscow: USSR AS. pp. 248–249.
4. Herzen, A.I. (1956) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 8. Moscow: USSR AS. pp. 7–397.
5. Belinsky, V.G. (1955) *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t.* [Complete Collection of Works]. Vol. 9. Moscow: USSR AS. pp. 378–406.
6. Granovskiy, T.N. (1897) *T.N. Granovskiy i ego perepiska* [T.N. Granovsky and his correspondence]. Vol. 2. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 421–422.
7. Maykov, V.N. (1985a) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 177–200.
8. Maykov, V.N. (1985b) *Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. pp. 247–263.
9. Bulgarin, F.V. (1998a) *Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidok Figlyarin: Letters and agent notes from F.V. Bulgarin to the Third Department]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie. pp. 490–499.
10. Bulgarin, F.V. (1998b) *Vidok Figlyarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F.V. Bulgarina v III otdelenie* [Vidok Figlyarin: Letters and agent notes from F.V. Bulgarin to the Third Department]. Moscow: Novoe lit. Obozrenie.
11. Malia, M. (2010) *Aleksandr Gertsen i proiskhozhdenie russkogo sotsializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the origin of Russian socialism. 1812–1855]. Moscow: Territoriya budushchego.

12. Mann, Yu.V. (1969) *Filosofiya i poetika "Natural'noy shkoly"* [Philosophy and poetics of the "Natural School"]. In: Stepanov, N.L. & Fokht, U.R. (eds) *Problemy tipologii russkogo realizma* [Problems typology of Russian realism]. Moscow: Nauka. pp. 241–306.
13. <Nekrasov, N.A.> (1847) *Muzey sovremennoy inostrannoy literatury* [Museum of Contemporary Foreign Literature]. *Sovremennik*. 47(4). pp. 127–128.
14. Aksakov, I.S. (1988) *Pis'ma k rodnym 1844–1849* [Letters to relatives 1844–1849]. Moscow: Nauka. pp. 353.
15. <Grigoriev, A.A.> (1847) *Obozrenie zhurnal'nykh yavleniy za yanvar' i fevral' 1847 g.* [Review of journal publications for January and February 1847]. *Moskovskiy gorodskoy listok*. 4th March. pp. 203–204.
16. Shevyrev, S.P. (1848) *Ocherki sovremennoy russkoy slovesnosti* [Essays on the contemporary Russian literature]. *Moskvityanin*. 1(1). pp. 30–54.
17. <Mikhaylov, L.M.> (1847) *Literaturnoe izvestie* [Literary News]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*. 29th March. pp. 512.
18. Herzen, A.I. (1961) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 23. Moscow: USSR AS. pp. 34–35.
19. Herzen, A.I. (1955) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 5–211.
20. Lotman, Yu.M. (1998) *Sotvorenie Karamzina* [Creation of Karamzin]. Moscow: Molodaya gvardiya.
21. Shirinyants, A.A. (2002) *Vne vlasti i naroda. Politicheskaya kul'tura intelligentsii Rossii XIX – nachala XX veka* [Outside of power and people. Political culture of the Russian intelligentsia in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN.
22. Shirinyants, A.A. (2013) [Herzen in the context of Russian revolutionism]. *Aleksandr Gertsen i istoricheskie sud'by Rossii* [Alexander Herzen and the Historical Fates of Russia]. Proc. of the Conference. Moscow, June 20 – 21, 2012. Moscow: Kanon+. pp. 219–223. (In Russian).
23. Elsberg, Ya.E. (1963) *Gertsen: Zhizn' i tvorchestvo* [Herzen: Life and work]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
24. Ogarev, N.P. (1956) *Izbrannye sotsial'no-politicheskie i filosofskie proizvedeniya* [Selected Sociopolitical and Philosophical Works]. Vol. 2. Moscow: Gospolitizdat. pp. 412–413.
25. Herzen, A.I. (1954) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 8–103.
26. Dryzhakova, E.N. (1962) *Problema "russkogo deyatelya" v tvorchestve Gertsena 40-kh godov* [The problem of the "Russian figure" in the works by Herzen of the 1840s]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 39–51.
27. Kelly, A.M. (2016) *The Discovery of Chance: The Life and Thought of Alexander Herzen*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.
28. Belinsky, V.G. (1956) *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t.* [Complete Collection of Works]. Vol. 10. Moscow: USSR AS. pp. 279–359.
29. <Grigoriev, A.A.> (1847) *Obozrenie zhurnalov za mart 1847 g.* [Review of the journals for March 1847]. *Moskovskiy gorodskoy listok*. 31st March.
30. Grigoriev, A.A. (1999) *Pis'ma* [Correspondence]. Moscow: Nauka. pp. 31–33.
31. Gurvich-Lishchiner, C.D. (1993) *Tvorchestvo Gertsena v razvitiy russkogo realizma serediny XIX veka* [Herzen's creativity in the development of Russian realism in the middle of the 19th century]. Moscow: Nasledie.
32. Chernyshevsky, N.G. (1947) *Polnoe sobranie sochineniy v 15 t.* [Complete Works in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvenoy literatury. pp. 561–568.
33. Chernyshevsky, N.G. (1950) *Polnoe sobranie sochineniy v 15 t.* [Complete Works in 15 vols]. Vol. 5. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvenoy literatury. pp. 156–174.
34. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy v devyati tomakh* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvenoy literatury. pp. 307–343.
35. Pisarev, D.I. (1956) *Sochineniya v chetyrekh tomakh* [Works in 4 vols]. Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvenoy literatury. pp. 336–417.

36. Ovsyaniko-Kulikovskiy, D.N. (1989) *Literaturno-kriticheskie raboty*: v 2 t. [Literary criticism. In 2 vols]. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 4–306.

37. Chaadaev, P.Ya. (2011) *Filosoficheskie pis'ma*. Pis'mo pervoe [Philosophical letters. The first letter]. In: Shirinyants, A.A. (ed.) *Russkaya sotsial'no-politicheskaya mysl'. Pervaya polovina XIX veka* [Russian social and political thought. The first half of the 19th century]. Moscow: Moscow State University. pp. 485–501.

38. Putintsev, V.A. (1955) *Kommentarii k romanu "Kto vinovat?"* [Comments for the novel "Who is to blame?"]. In: Herzen, A.I. (1955) *Sobranie sochineniy: v 30 t.* [Collected Works: In 30 vols]. Vol. 4. Moscow: USSR AS. pp. 320–328.

39. Teslya, A.A. (2014) *Pervyy russkiy natsionalizm... i drugie* [The first Russian nationalism ... and others]. Moscow: Evropa. pp. 142–150.